

шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменики [напеленьки ужъ не было на свѣтъ], не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степенъ въ обществѣ, съ помощью Божіей, хорошенкаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужъ откупашъ. — Я обѣдать не буду, — былъ отвѣтъ: я—завтракалъ. — Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачей курткѣ, быстроглазый, блѣдный и съ виду большой плутъ, и подаль, не говоря ни слова, визитную карточку небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

— Сюда нынче прѣзжала молодая барыня съ мужемъ, — отвѣчалъ Федка, — и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ [такъ называлась мать Печорина].

— Что жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ, что это все равно-съ! можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ, — сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ. — Набей мнѣ трубку.

Но эта визитная карточка видно имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; приномъ въ комнатѣ не было свѣчей: она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣтъ подать огня и разстроитъ очаровательный эффектъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взял карточку и съ какимъ-то невопытнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: Князь Степанъ Степановичъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмури брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня: — увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать *Степанъ Степ...* Печоринъ положилъ эти бранные остатки на столъ, сѣлъ опять въ

свои кресла и закрылъ лицо руками. Хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физиономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на что подумать, такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Я!—отвѣчалъ принужденный контраalto, — и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покойнѣе,

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно! Вы всѣ ищете спокойствія.. Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить, — возразилъ Жоржъ, зѣвая, — изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно..

— Я почему знаю! Ну, что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало!—Повѣрьте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны, — у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несносны.

— Бѣлая часть изъ нихъ не привыкла къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ—они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливой улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчи и, пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ, и гостиная, и соединялась корридормъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали ея стѣны; лоснящіеся дубовыя двери съ модными руками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяйнѣ человека порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ, или когда солнце ударило въ стекла, опускались пунцовыя